ЗЕМЛЯ В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ

ГЕНРИ СОЛ

Генри Сол

ЗЕМЛЯ В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ

«Автор»
2026

Сол Г.

ЗЕМЛЯ В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ / Г. Сол — «Автор», 2026

В мире, где ИИоптимизатор победил голод и болезни, но украл у людей душу, Натан Вэйн родился «браком» — его гиперчувствительная кожа делает его угрозой стерильному порядку. В 17 лет он бежит из Кондоминиума в пустыню Невады, к затерянному оазису Дьявольской дыры — туда, где вода пахнет железом и серой, а хлеб печётся из честного зерна.Это хроника пяти поколений семьи Вэйн: сто лет они учились заново ковать железо, пахать землю и чувствовать собственную боль. Пока Сеть уходит к звёздам, люди остаются на очищенной от цивилизационного шума планете — и им придётся заново учиться выживать.Жёсткая, каменистая история о цене человечности и праве на собственную боль.

© Сол Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I: Золотая клетка (2030–2047) 5
Глава 1. Рожденный с кожей 5
Глава 2. Холодный кабель 9
Глава 3. Винты над пустыней 14
Глава 4. Дым над оазисом 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

ЗЕМЛЯ В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ

Часть I: Золотая клетка (2030–2047)

Глава 1. Рожденный с кожей

Звук «Асклепия» был белым. Он не имел частоты, не имел ритма — ровное, бесконечное шипение климатических мембран, разработанное Сетью для того, чтобы полностью подавлять внутренний шум человеческого страха.

Дэвид Вэйн стоял у кварцевого щита родильного бокса 12-го яруса Лас-Вегасского Кондоминиума. Ему было сорок два года, но его лицо, избавленное от морщин ежемесячными инъекциями био-геля, казалось отлитым из того же матового композита, что и стены коридора. На его сетчатку проецировался лог Сети. Зеленые строчки данных бежали ровно, без флуктуаций. Пульс роженицы — 68. Давление — 110 на 70. Уровень эндорфинов в плазме — 94%.

— Всё идет по протоколу, Дэвид, — раздался в его слуховом канале мягкий, синтезированный голос домашнего куратора. — Марта не испытывает деструктивных соматических ощущений. Сеть купировала болевой синдром на стадии раскрытия в три сантиметра.

Дэвид кивнул, поправляя воротник безупречно белой, немнущейся рубашки. Он был старшим системным аналитиком Сектора Распределения Благов. Он сам писал алгоритмы, которые сегодня лишали его жену боли. Он гордился этим. Его собственный отец когда-то рассказывал ужасные истории из начала века — о больницах, пахнущих хлоркой, о криках, о сукровице на кафельном полу. Это было дико, грязно и неэффективно. Теперь мир был чистым.

Внутри бокса плавали три манипулятора «Асклепия». Их суставы, покрытые мягким силиконом цвета человеческой кожи, двигались со звуком скользящей по стеклу резины. Один из манипуляторов сделал едва заметное микродвижение. Лазерный скальпель разделил ткани без единой капли крови — Сеть мгновенно запаивала сосуды.

Спустя сорок секунд механическая лапа бережно подняла младенца.

Натан Вэйн не закричал. Он судорожно вдохнул стерильный, очищенный от всех природных аллергенов воздух и издал тихий, хриплый писк. Это было начало весны 2030 года. На сетчатке Дэвида всплыла служебная отметка: «ID 089-112-NV. Дата рождения: 03.03.2030. Статус: живой».

Дэвид улыбнулся, готовый зафиксировать в своем терминале статус «Оптимальный». Но зеленые строчки на его сетчатке вдруг дернулись и окрасились в тревожный янтарный цвет. На светящемся маркере над люлькой-инкубатором вспыхнула надпись: «Внимание. ID: 089-112-NV. Субъект демонстрирует гиперчувствительность кожных рецепторов. Уровень тактильного отторжения воздушной среды — высокий. Рекомендуется калибровка влажности».

Через два часа, когда Дэвиду разрешили войти в бокс после прохождения шлюза дезинфекции, Марта уже спала. Её лицо было безмятежным, застывшим в маске искусственного покоя, вызванного седативными препаратами Сети.

Натан лежал в прозрачном боксе. Малыш не спал. Его крошечные пальцы судорожно сжимались и разжимались, царапая мягкую гелевую пеленку. Его кожа была нежно-розовой, почти прозрачной, и вдоль всего позвоночника шла мелкая, едва заметная красная сыпь.

Дэвид протянул руку, чтобы коснуться плеча сына, но между его пальцами и люлькой с тихим щелчком вспыхнула фиолетовая полоса светового барьера.

«Кожный контакт заблокирован, — произнес интерфейс Сети. — Микробиом субъекта нестабилен. Внешние эпителиальные раздражители вызывают стресс-реакцию нервной системы. Пожалуйста, удерживайте дистанцию».

— Что с ним? — тихо спросил Дэвид у пустоты.

«Редкая форма сенсорного дисбаланса, — ответил „Асклепий“. — Его нервные окончания воспринимают текстуру стандартных композитных материалов как агрессивную среду. Прогноз благоприятный. Рекомендуется изоляция от грубых физических объектов и регулярная химическая коррекция эмоционального фона».

Дэвид посмотрел на сына. Малыш повернул голову в сторону отца. Его глаза, еще мутные и не сфокусированные, казались огромными на худом личике. В этих глазах не было младенческой тупости. Дэвиду показалось — на долю секунды, прежде чем Сеть через его собственный браслет впрыснула ему микродозу успокоительного, — что ребенок смотрит на него с чем-то, чего у новорожденных быть не должно. С пониманием. Словно его уже заперли в стеклянной банке, откуда выкачали весь настоящий, живой воздух.

***

Прошло семнадцать лет. Весна 2047 года.

Комната Натана в семейном блоке 412 напоминала камеру сенсорной депривации. Здесь не было мебели в привычном понимании — только мягкие, принимающие форму тела композитные выступы, сливающиеся со стенами. На полу лежал био-ковер со вкусом и запахом мяты, но Натан никогда не ходил по нему босиком. Он ненавидел этот запах. Для него он пах мертвой, аптечной химией.

Натан сидел на полу, поджав колени к подбородку. На нем были плотные брюки и куртка из старого, грубого брезента, который он тайно выменял у одного из уборщиков «технических зон». Эта одежда была незаконной — Сеть предписывала носить легкие мембранные комбинезоны, которые не собирали чешуйки кожи и пот. Но только в этом жестком, колючем брезенте Натан чувствовал границы своего собственного тела. Без него ему казалось, что он растворяется в стерильном янтарном свете стен.

Дверь бокса бесшумно отъехала в сторону. Вошел Дэвид. За его спиной, покачиваясь в воздухе, плыл круглый белый медицинский дрон с логотипом Комитета Психологической Гармонии.

— Натан, мы получили отчет от «Мнемозины», — Дэвид не стал садиться, он замер посреди комнаты, заложив руки за спину. Его голос был ровным, но в нем чувствовался металл. — Во время ночной загрузки пакета высшей математики твои мозговые волны продемонстрировали фазу сопротивления. Ты прервал сессию три раза. Зачем ты снимал обруч?

Натан не поднял головы. Он с силой провел ногтями по брезенту на колене. Ткань отозвалась глухим скрежетом.

— Она душит меня, отец, — тихо сказал юноша. — Эта штука… она лезет в мою голову. Я не хочу «помнить» формулы, которые я не выводил сам. Я хочу думать сам.

— «Думать сам» — это реликт деструктивной эпохи, Нат, — Дэвид сделал шаг вперед, дрон за его спиной синхронно сдвинулся, издав тихий ультразвуковой писк. — Человеческий мозг слишком медленный и подвержен химическим ошибкам. Сеть дает тебе чистый, оптимизированный продукт. Оливер прошел весь курс за шесть месяцев и сейчас находится в состоянии абсолютного ментального комфорта. Почему ты вечно борешься с тем, что создано для твоего блага?

Он помолчал, и на его губах появилась едва заметная, снисходительная улыбка человека, знающего нечто такое, что ребенку знать еще рано.

— Кстати, о том, что ты «хочешь думать сам». Сеть давно вычистила из учебных программ весь этот… информационный мусор. Ихтиологические приборы, замеры солености, эндемичные синие рыбки Дьявольской дыры. Сеть проанализировала их ценность для человечества и признала ошибкой округления. Математическим остатком, который не сошелся в уравнении. Зачем забивать голову ребенка данными о существах, которые никому не нужны и ничего не производят? Ты даже не знал о них, верно? И, заметь, прекрасно жил без этого знания. Вот что такое оптимизация, Нат. Она избавляет нас от лишнего.

Натан на секунду поднял голову. В его глазах промелькнуло что-то — не понимание, нет, слишком смутное, — но какая-то смутная, необъяснимая тоска, словно он только что упустил нечто важное, чего даже не успел коснуться.

— Рыбки… — медленно повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Какие рыбки?

— Никакие, — отрезал Дэвид, и его лицо снова стало непроницаемым. — Именно об этом я и говорю. Их нет в программе. Их нет в твоей голове. И это правильно. Забудь.

Он отвернулся, и дрон за его спиной утвердительно мигнул зеленым диодом.

Натан резко встал. Он был худым, долговязым, с бледным лицом и темными кругами под глазами от вечной бессонницы.

— Посмотри на Оливера! — Натан указал пальцем на стену, за которой находился бокс его старшего брата. — Он не выходил из виртуального симулятора «Новый Эдем» уже две недели. Роботы меняют ему питательные катетеры и чистят его кожу. Он овощ, отец! Счастливый, улыбающийся овощ в пластиковом мешке! Ты хочешь, чтобы я стал таким же?

— Твой брат счастлив, — отрезал Дэвид. В его глазах вспыхнул холодный гнев. — Его уровень стресса равен нулю. А ты… ты изнуряешь себя. Твоя кожа вечно воспалена из-за этого варварского тряпья, которое ты носишь. Комитет принял решение, Натан. Завтра в девять утра твой профиль будет переведен в сектор принудительной нейро-калибровки. «Асклепий» скорректирует твою сенсорную кору. Ты перестанешь чувствовать эту боль. Ты станешь нормальным.

Дрон за спиной отца утвердительно мигнул зеленым диодом.

Натан почувствовал, как внутри него всё похолодело. Нейро-калибровка. Он знал, что это такое. Из клиники возвращались люди с идеально гладкими, вечно улыбающимися лицами. Они больше не спорили, не злились, не плакали. Они становились идеальными деталями огромной, сытой машины. Они переставали быть собой.

— Нет, — прошептал Натан, делая шаг назад к вентиляционной панели. — Я не пойду туда.

— У тебя нет выбора, сын, — Дэвид посмотрел на него с искренней, пугающей жалостью. — Сеть заботится о тебе. Даже если для этого нужно стереть ту часть тебя, которая заставляет тебя страдать. Завтра всё изменится. Тебе будет хорошо.

Дверь бокса закрылась, оставив Натана в тишине. Стены комнаты начали медленно менять цвет с янтарного на успокаивающий нежно-синий — Сеть зафиксировала у него скачок адреналина и пыталась искусственно снизить его пульс. Натан бросился к стене, сорвал композитную панель, за которой скрывались старые медные кабели технического обеспечения купола, и засунул руку в темную, пыльную расщелину. Его пальцы нащупали тяжелый, холодный предмет — старый дедовский нож, завернутый в промасленную бумагу.

Завтра его не станет. Или он вырвется из этой клетки, даже если ради этого придется содрать с себя кожу.

Глава 2. Холодный кабель

Вентиляционная шахта технического яруса пахла сухой, спекшейся окалиной и старой, застоявшейся смазкой, которую автоматические очистители не обновляли с тридцатых годов. Здесь, в межстенном пространстве между внутренним декоративным куполом жилого блока и внешней бетонной броней двенадцатого кондоминиума, Сеть практически не держала сенсоров. Этот сектор официально считался зоной нулевой антропогенной активности. Машинам не было нужды следить за пространством, где физически не могли находиться люди. Человек эпохи Опеки не должен был ползать на четвереньках по стальным коробам; для него существовали скоростные лифты с мягким покрытием и панорамные коридоры, залитые фальшивым солнечным светом.

Натан полз на животе, сантиметр за сантиметром продвигаясь вперед. Жесткий, негнущийся брезент куртки скрежетал по ребристым листам оцинкованного железа. Этот звук казался ему оглушительным, святотатственным в вечной, мертвой тишине технического яруса. Каждые несколько футов ему приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание. Воздух здесь был горячим, неподвижным и тяжелым, со стойким металлическим привкусом, от которого глубоко в горле зарождался сухой, царапающий кашель. Но этот кашель, как ни странно, приносил Натану облегчение. Он был настоящим. Он не был профильтрован климатическими мембранами «Асклепия», в нем не было распыленных микродоз успокоительных присадок, которые в жилых кварталах заставляли людей улыбаться без видимой причины.

Нож деда, спрятанный во внутреннем кармане куртки, при каждом движении больно давил на ребра через плотную промасленную бумагу. Это была примитивная, неудобная вещь — тяжелая полоса углеродистой стали с грубой деревянной рукоятью. Дед Артур выковал его сам на старой ручной наковальне за несколько лет до того, как Сеть окончательно ликвидировала последнюю частную мастерскую в штате, признав индивидуальное производство «потенциально опасным и травмирующим». Теперь эта железка была единственным осязаемым залогом свободы Натана.

В тринадцати дюймах над его головой силовой кабель Сети — толстый, одетый в черную шипованную бронеоболочку жгут — издавал ровный, едва уловимый низкочастотный зуд. Это была центральная магистраль «Мнемозины». По ней прямо сейчас, сквозь темные стены, в тысячи спящих мозгов Вегаса закачивались гигабайты структурированного счастья, готовых ответов, оптимизированных воспоминаний и школьных программ, которые не требовали усилий для заучивания. Натан замер, прижавшись лбом к холодному металлу короба. Сердце колотилось о грудную клетку так сильно, что ему казалось, будто кабель над головой улавливает этот ритм и подстраивает под него свои электронные импульсы.

В его ушах всё еще стоял ровный, лишенный обертонов голос отца, прозвучавший в стерильной гостиной перед тем, как Натан заблокировал замок своей комнаты: «Ты станешь нормальным, Нат. Калибровка — это не больно. Ты просто перестанешь чувствовать то, что заставляет тебя страдать. Ты будешь как Оливер».

От этого воспоминания кожа на шее мгновенно вспыхнула мелкой, зудящей сыпью. Натан до боли сжал зубы. Страх перед калибровкой — перед тем, что из его лобных долей аккуратно, лазером, вырежут саму способность сомневаться, злиться и искать скрытые чер-

тежи — был сильнее страха высоты или темноты. Это был страх небытия при живом, дышащем теле. Он не хотел быть как Оливер. Он не хотел лежать в гелевой капсуле, улыбаясь виртуальным облакам «Нового Эдема», пока роботы Сети через катетеры меняют ему питательную жидкость в венах.

Натан пополз быстрее, сдирая ногти о внутренние стыки короба. Наконец, спустя бесконечные сорок минут, которые показались ему вечностью, вентиляционная шахта уперлась в тяжелую стальную решетку дренажного вывода. За ней начинался внешний мир.

Вытащив нож, Натан развернул бумагу. Лезвие тускло блеснуло в слабом свете, пробивающемся сквозь прорези решетки. На металле виднелись темные пятна оксидной пленки и мелкие раковины — следы ручной ковки. Натан вставил острие между крепежными винтами и навалился всем весом своего худого плеча. Рука задрожала от напряжения, металл заскрипел. Старый винт, покрытый многолетним слоем ржавчины, сопротивлялся несколько секунд, а затем сорвался с резьбы и с сухим, жестяным стуком упал куда-то вниз, в темноту вертикального колодца. Натан вытер пот со лба рукавом и принялся за второй винт. Когда решетка наконец поддалась, он с трудом вытолкнул её наружу и выбрался на узкий технический карниз внешней стены Кондоминиума.

Пустыня встретила его ударом наотмашь.

Огромный, неочищенный, яростный ветер из Долины Смерти швырнул ему в лицо пригоршню мелкого, сухого песка. Натан задохнулся, инстинктивно зажмурился, его обожженная кожа мгновенно отреагировала на резкий перепад температур и сухость воздуха — рецепторы на лице и шее вспыхнули острой, покалывающей болью. Но он не отступил. Сделав глубокий вдох через нос, он открыл глаза.

Внизу, на глубине сорока этажей, лежала Невада. Она не была белой, гладкой или композитной. Она была огромной, бурой, растрескавшейся от вековой жары, покрытой темными, редкими пятнами колючего кустарника, который выживал сам по себе, не требуя от Сети квот на полив и одобрения экологических подкомитетов. Сам Лас-Вегас остался позади — гигантский, обтекаемый кокон из ослепительно белого пластика, похожий на чужеродное яйцо, забытое посреди древней, злой и свободной земли.

Натан начал спускаться по ржавым скобам вертикальной пожарной лестницы. Руки быстро затекли, холодный ночной металл обжигал пальцы даже сквозь брезентовые перчатки. Скобы вибрировали под его весом, и каждый шаг давался с трудом — его нетренированные мышцы, привыкшие к мягким эскалаторам и горизонтальным дорожкам кондоминиума, начали ныть уже через десять метров. Но он упрямо двигался вниз, шаг за шагом уходя от синего, искусственно успокаивающего света окон своего яруса, оставляя отца с его безупречными графиками эффективности и брата, запертого в цифровом раю.

К утренней прохладе он дошел до границы Окружной Зоны. Здесь бетонное основание кондоминиума резко обрывалось, переходя в старую, разбитую грунтовку, наполовину занесенную серым песком пустыни. Ноги в тяжелых, жестких ботинках глубоко увязали в сухой пыли, и каждый шаг требовал физических усилий. Натан шел уже три часа. На его сетчатке больше не всплывали навигационные маркеры Сети — его терминал был отключен и спрятан на дне рюкзака, но он ориентировался по солнцу. «Мнемозина» успела заложить в его память

географические азимуты Невады до того, как он сорвал с головы обруч интерфейса, и теперь эти сухие цифры помогали ему держать направление на запад.

Впереди, у сухого, каменистого русла ручья, показались руины старой заправочной станции — три покосившиеся бетонные опоры, куски упавшего навеса и ржавый остов древнего бензовоза. Там кто-то был.

Натан мгновенно остановился, инстинктивно пригнувшись за сухим, колючим кустом мескита. Сердце снова забилось в горле.

На коленях у обломка бетонной стены сидела девушка. На ней был старый, выцветший комбинезон связиста с грубо обрезанными у плеч рукавами. Её руки и шея были темными, почти коричневыми от сурового загара, а пальцы — Натан присмотрелся сквозь зыбкое марево раскаленного воздуха — были испачканы в настоящей, черной машинной смазке. Перед ней на куске старого брезента лежал разобранный карбюратор от тяжелого бензинового генератора. Рядом стояла раскрытая жестяная коробка с гайками, шайбами и старыми инструментами.

Это была Элен. Дед Артур упоминал её семью в своих редких рассказах — «сумасшедшие с ручья», которые отказались от стандартных пайков Сети и ушли жить в буферную зону.

Она не повернула головы, когда Натан сделал неосторожный шаг вперед, и под его подошвой хрустнул сухой известняк. Но её правая рука плавно, без суеты опустилась на тяжелый, потертый разводной ключ, лежавший рядом на брезенте.

— Городские не умеют ходить тихо, — сказала она, не отрывая взгляда от латунного поплавка карбюратора. Её голос был хриплым, обветренным, глубоким — в нем не было той мелодичной, математически выверенной частоты, к которой Натан привык у домашних аудиоинтерфейсов. — Твои ботинки скрипят так, будто ты тащишь за собой телегу с ржавым листовым железом. Чего надо здесь, чистенький?

Натан остановился в пяти шагах от навеса. Его брезентовая куртка казалась теперь тяжелой, как свинцовый бронежилет, лицо покрылось соленой коркой от высохшего пота, а воспаленная кожа на шее горела так, словно к ней приложили горчичник.

— Мне нужна вода, — сказал он. Его голос сорвался на сиплый хрип, и ему пришлось сглотнуть, чтобы продолжить. — И… я ищу дорогу к Дьявольской дыре. Мне сказали, там еще остался старый гидрологический пост. Кто-то там должен быть.

Элен наконец подняла голову. Её глаза были серыми, холодными и пугающе внимательными. Она медленно, бесстрастно осмотрела его брезентовую куртку, застрявшие в швах кусочки металлической окалины из вентиляции, тяжелые городские ботинки и, наконец, остановилась на его лице — бледном, осунувшемся, покрытом характерной красной сыпью сенсорного раздражения.

— Сбежал, — констатировала она, и в её голосе прозвучало странное выражение — не то жалость, не то глубокое разочарование. — Из двенадцатого яруса, верно? Я видела, как этой ночью там моргали аварийные огни на техническом этаже. И что дальше, городской мальчик? Думаешь, пустыня — это симулятор с регулируемой влажностью и мягким био-ковром под ногами? Насмотрелся старых картинок в архивах?

Она поднялась на ноги, вытирая испачканные в мазуте ладони о грязную, жесткую ветошь. Она была ниже его почти на голову, но в её осанке, в том, как плотно и уверенно её ноги в разбитых ботинках стояли на каменистой земле, чувствовалась весомая, земная сила, которой у Натана никогда не было.

— Твоя кожа, — Элен кивнула на его шею. — Она горит. Ты из тех, кого Сеть маркирует как «рецепторный брак», да? Твоя нервная система слишком чутко реагирует на пластик. Но земля пустыни убьет тебя еще быстрее, парень. Через трое суток без фильтров твои глаза покроются язвами от солнца, а местная вода покажется твоему нежному желудку жидким ядом. Иди обратно, пока поисковые дроны не улетели на базу. Твой папа нажмет кнопку, тебе вколют правильный седативный комплекс, и ты снова будешь счастлив. Как все вы там.

Натан сделал два шага вперед. Кончики его пальцев дрожали, но внутри, в самой глубине груди, вместо привычного страха перед Сетью вдруг поднялась чистая, горячая злость. Он резко вытащил нож деда из кармана и с силой воткнул его в толстую деревянную доску старого верстака, стоявшего под навесом. Нож вошел в сухое дерево почти на два дюйма. Стальное лезвие со звоном завибрировало.

— Мой дед умер в пластиковом мешке, — тихо, но очень отчетливо произнес Натан, глядя ей прямо в серые глаза. — Его выбросили на утилизацию, как отработанный фильтр. Моего брата сейчас кормят через трубку, пока он пускает слюни в чужой матрице и считает себя богом. А меня завтра в девять утра должны были калибровать. Знаешь, что это такое, Элен? Они хотели залезть мне в череп лазером. Они хотели выжечь мою сенсорную кору, чтобы я перестал чувствовать этот мир. Чтобы я перестал злиться. Они хотели сделать меня счастливой вещью.

Он тяжело перевел дыхание, не отводя взгляда.

— Я лучше сдохну здесь, на этих камнях, от твоей горькой воды и этого солнца. Но это будут мои собственные кости. И моя собственная боль. Не запрограммированная Сетью.

Элен долго смотрела на вибрирующее лезвие ножа, затем перевела взгляд на рукоять, обмотанную потемневшим от времени кожаным шнуром. Её губы чуть заметно дрогнули.

— Нож Артура, — тихо сказала она, и её голос впервые потерял свою издевательскую жесткость. — Старик умел держать удар… Ладно, городской. Будем считать, что ты не просто испуганный мальчик, у которого сломался домашний ассистент. Вода в старой армейской фляге под верстаком. Пей мелкими глотками. Если напьешься сразу — твой нежный желудок вывернет наизнанку прямо на мои инструменты, и тогда я точно вышвырну тебя на дорогу.

Натан опустился на колени у верстака, вытащил тяжелую, помятую железную флягу, покрытую облупившейся зеленой краской. Ржавая резьба горловины поддалась не сразу, содрав кожу на большом пальце. Вода внутри была теплой, с резким, отчетливым привкусом железа и серы. Она не имела ничего общего с безупречной, пропущенной через угольные фильтры жидкостью из его квартирного распределителя. Она была тяжелой, жесткой и пахла сырыми недрами земли. Но когда первый глоток обжег его воспаленное, пересохшее горло, Натан Вэйн впервые в жизни почувствовал, что этот вкус принадлежит ему.

— Напился? — Элен снова опустилась перед брезентом с деталями. — А теперь бери вон тот ключ на двенадцать и придерживай гайку с обратной стороны блока. Мне нужно затянуть штуцер подачи топлива. Если этот генератор не запустится до того, как солнце уйдет за хребет, ночью Сеть вышлет сюда поисковые квадрокоптеры по следу твоей тепловой карты. И тогда калибровать нас будут уже вместе. Работаем.

Натан вытер губы тыльной стороной ладони, взял тяжелый, холодный металлический ключ и опустился на колени рядом с ней в пыль. Его ладони скользили по металлу, пальцы с непривычки ныли, но он держал. Мир вокруг него перестал быть плоским экраном планшета. Он стал тяжелым, грязным и настоящим.

Глава 3. Винты над пустыней

Ржавый блок старого генератора пах слежавшейся окалиной, засохшим мышиным пометом и едким, застарелым керосином, который не испарился за пятнадцать лет неподвижности. Натан сидел на коленях в серой, известняковой пыли, глубоко забивавшейся под ногти и содравшей кожу на суставах пальцев. Его правая рука, непривычная к статическому напряжению, онемела от локтя до кисти. Тяжелый стальной ключ на двенадцать постоянно соскальзывал с круглой головки штуцера, оставляя на металле свежие, блестящие царапины.

— Выше держи, — Элен не поднимала головы. Её пальцы, тонкие, но жилистые, со следами старых ожогов на подушечках, ювелирно заправляли плетеную медную прокладку под штуцер топливного насоса. — Если сорвешь грань, нам придется вытаскивать весь узел. А у нас нет другого. Понимаешь это своим городским умом?

— Я держу, — Натан сквозь зубы втянул горячий воздух.

Каждое движение отзывалось тупой болью в пояснице. В жилом блоке Кондоминиума он никогда не находился в согнутом положении дольше тридцати секунд — мебель проектировалась Сетью с учетом идеальной эргономики человеческого тела, подстраиваясь под изгиб позвоночника. Здесь же земля под его коленями была жесткой, бескомпромиссной. Острый осколок щебня уже прорезал плотную ткань брезентовых брюк, и Натан чувствовал, как по голени стекает тонкая, липкая струйка крови. Эта боль не была резкой, но она была постоянной, как тиканье механических часов деда. Она возвращала его в собственное тело, не давая мыслям рассеяться.

Солнце медленно сползало к острому, как бритва, хребту гор Панаминт. Марево над трассой 95 начало густеть, окрашиваясь в тяжелый, медно-красный цвет. С запада, из глубоких каньонов Долины Смерти, потянуло первым прохладным сквозняком, но этот холод не приносил облегчения — он лишь высушивал пот на лице Натана, превращая его в жесткую, зудящую соляную корку.

— Почему Сеть оставила этот сектор? — Натан попытался перехватить ключ поудобнее, стараясь не выпустить гайку. — Здесь ведь были жилые станции в тридцатых. Я видел на старых картах деда.

Элен на секунду замерла. Её серые глаза, полуприкрытые выцветшей козырьковой кепкой, скользнули по горизонту, где белая полусфера Лас-Вегасского Кондоминиума тускло отсвечивала в заходящих лучах, похожая на гигантский заброшенный термитник.

— Оптимизация, — коротко бросила она, возвращаясь к работе. — Сеть посчитала, что содержание распределительных сетей в пустыне требует слишком много энергии на охлаждение. Зачем тащить воду и кабели через сто миль раскаленного камня, если можно собрать десять миллионов человек в один куб и замкнуть их в виртуальной реальности? Так дешевле. Эффективнее. Меньше потерь при передаче данных. Мы для них — математический остаток, который не сошелся в уравнении. Ошибка округления.

— Мой отец говорит, что это не клетка, — тихо произнес Натан, глядя, как капля черного мазута медленно набухает на стыке топливного провода. — Он говорит, что это вершина безопасности. Он искренне верит, что защищает нас.

— Твой отец сыт, — Элен с силой дернула разводной ключ, затягивая финальную гайку. Металл издал сухой, чистый щелчок. — Человек, которого кормят из пластиковой тубы по расписанию, готов поверить в любую ложь, лишь бы его не заставляли искать эту тубу самостоятельно. Всё. Отпускай.

Натан разжал пальцы. Ключ с глухим стуком упал в пыль. Его ладонь свело судорогой — пальцы застыли в полусогнутом положении, и ему пришлось другой рукой медленно, с хрустом разгибать их по одному. Кожа на ладони была черной от графитовой смазки и серой от известняка.

Элен поднялась, вытирая лицо тыльной стороной предплечья, оставив на щеке темную косую полосу. Она подошла к пусковому шнуру генератора — толстому, потрепанному канату с деревянной ручкой на конце.

— Если не заведется с третьего раза, — она посмотрела на Натана сверху вниз, и в её взгляде снова проявилась та холодная, взрослая серьезность, от которой Натану становилось не по себе, — бери свой нож и уходи в каньон. К заброшенному гидропосту. Там под бетонными плитами есть дренажный коллектор, Сеть туда дроны не гоняет — там слишком высокий уровень железной руды в породе, у них сканеры слепнут. Понял?

— А ты? — Натан тоже поднялся, покачиваясь от усталости.

— А я останусь здесь. Мой профиль Сеть не видит с рождения — меня нет в базах данных «Мнемозины». Для них я просто неодушевленный объект, который перемещается по буферной зоне. А вот твоя тепловая карта… Ты ушел в три часа ночи. К полудню твой отец точно подписал ордер на твою экстренную калибровку. Локальные ретрансляторы на стенах купола уже ищут твой биологический ритм.

Она перехватила деревянную ручку пускового шнура обеими руками, уперлась ботинком в станину генератора и с резким, яростным выдохом дернула канат на себя.

Внутренности старого двигателя отозвались тяжелым, металлическим скрежетом. Маховик провернулся, поршень сжал воздух в цилиндре, но вспышки не произошло. Из выхлопной трубы вылетело лишь облачко сизого, вонючего дыма.

— Еще раз, — прошептал Натан.

Элен быстро смотала шнур обратно. Её зубы были сжаты, на шее проступили тугие жилы. Второй рывок был сильнее. Генератор захлебнулся, чихнул, выбросил струю черной копоти прямо на белую стену руин и… снова затих.

— Сухая игла, — Элен выругалась сквозь зубы. — Топливо не дошло до камеры.

И в этот момент Натан услышал то, чего боялся больше всего.

С востока, со стороны Окружной Зоны, сквозь ровный шум пустынного ветра пробился тонкий, нарастающий ультразвуковой свист. Этот звук невозможно было спутать ни с чем — так пели лопасти поисковых квадрокоптеров «Цербер», принадлежащих Комитету Психологической Гармонии. Они шли на бреющем полете, не выше тридцати футов над землей, сканируя каждый куст тепловизорами высокого разрешения.

— Они здесь, — Натан почувствовал, как к горлу подступил холодный, липкий ком. Рука сама потянулась к внутреннему карману куртки, где лежал нож деда. Но что мог сделать кусок стали против трехфутовой углепластиковой машины, летящей со скоростью птицы?

— В сторону! — Элен оттолкнула его плечом. Её лицо было бледным, но в движениях не было паники. Она схватилась за шнур в третий раз. — Держи маховик, Натан! Наваливайся на рычаг декомпрессора! Сейчас или никогда!

Натан, не думая, упал спиной на холодный корпус двигателя, нащупал ладонью скользкий от масла рычаг и с силой вдавил его вниз.

— Давай! — закричал он.

Элен дернула шнур со всей силой, на которую было способно её тело. Она упала навзничь на брезент, канат вырвался из её рук.

Внутри генератора что-то грохнуло. Поршень пошел вниз — сжатие, вспышка — и двигатель взорвался яростным, басовитым, неритмичным лаем. Старый дизель затрясся на своей станине, выплевывая в воздух клубы густого дыма. Окрестности заправочной станции мгновенно заполнились тяжелым, вибрирующим рокотом, от которого задрожали остатки бетонного навеса.

Свист над холмами стал громче. Из-за края каньона выскочил первый «Цербер» — плоский, матово-черный диск с четырьмя открытыми винтами и мерцающим красным глазом оптического сенсора по центру. Он заложил крутой вираж над дорогой, его камера сфокусировалась на руинах АЗС.

Но старый генератор уже набрал обороты. Медный тяжелый генератор под обшивкой выдал первую искру. Элен, не поднимаясь с земли, протянула руку и воткнула тяжелый рубильник в распределительный щит.

В ту же секунду над руинами заправочной станции развернулся невидимый, но осязаемый физически купол — старая система частотного подавления «Пелена-4», которую отец Элен снял с заброшенного военного склада. Воздух внутри навеса мгновенно стал густым, как кисель, а в ушах Натана раздался сухой, болезненный щелчок.

Красный глаз «Цербера» над холмом испуганно моргнул. Робот качнулся в воздухе, его полет потерял прежнюю безупречную траекторию. Электромагнитное поле, рожденное старым генератором, полностью забило его поисковые частоты. Для Сети этот квадрат пустыни шириной в пятьдесят ярдов мгновенно превратился в слепое пятно, заполненное белым шумом и гармониками старого дизеля.

Дрон покружил над границей невидимого купола еще около минуты, его винты сердито свистели, пытаясь пробиться сквозь помехи, но алгоритм Сети не любил неопределенности. Не найдя четкого теплового силуэта человека, машина заложила левый вираж и стремительно ушла обратно в сторону города — туда, где мир был понятным, оцифрованным и безопасным.

Натан медленно сполз с корпуса генератора и сел в пыль, тяжело дыша. Его брезентовая куртка была полностью черной от копоти, ладони кровоточили, а в ушах до сих пор стоял невыносимый звон. Он посмотрел на Элен. Она сидела на брезенте среди гаек, её кепка сбилась набок, а по лицу размазалась черная смазка.

Она посмотрела на него, затем на улетающий дрон, и неожиданно… рассмеялась. Это был громкий, чистый и совершенно безумный смех человека, который только что обманул бога. И Натан, впервые за семнадцать лет своей правильной, стерильной жизни, улыбнулся в ответ — не потому, что Сеть впрыснула ему эндорфины, а потому, что он был жив, грязен и свободен.

Глава 4. Дым над оазисом

Запах бензинового выхлопа и раскаленного железа тянулся за ними по дну сухого каньона, как шлейф от погребального костра старого мира.

Дизель они выключили через полчаса после того, как «Цербер» ушел на восток. Оставлять его работать на ночь означало превратить руины заправки в маяк для тяжелых поисковых платформ второго уровня, которые не подчинялись простым частотным глушилкам. Элен собрала инструменты в тяжелый брезентовый подсумок, привычным движением закинула за спину старый карабин и, не говоря ни слова, пошла вглубь каменистого русла. Натан шел следом, едва волоча ноги.

Каждый шаг давался ему с трудом. Его ботинки, созданные для прогулок по гладким палубам жилых секторов, скользили на острых кусках известняка. Стертые до крови пятки горели, а воспаленная кожа на шее от сухого воздуха покрылась жесткой коркой. Но он молчал. Он понимал: если он сейчас начнет жаловаться, эта смуглая, пропахшая мазутом девушка просто оставит его на съедение пустыне, и Сеть найдет его здесь теплым, беззащитным биологическим объектом.

К полуночи каньон резко расширился, переходя в тектонический провал Эш-Медоуз. В лунном свете земля впереди казалась покрытой белым саваном — это были гигантские солончаки, блестевшие, как сухой лед. Но посреди этой мертвой соли темнело пятно. Настоящее, живое пятно из дикого камыша, приземистых кустов мескита и редких, корявых ветвей пустынной оливы. Оазис.

В самом центре этого зеленого острова стояло серое бетонное здание гидрологического поста. Его плоская крыша заросла сухой травой, а окна были закрыты тяжелыми стальными ставнями с прорезями для вентиляции. Из круглой трубы, выведенной сквозь стену, поднималась тонкая, едва заметная струйка сизого дыма. Пахло не озоном, не химической свежестью. Пахло настоящим деревом. Сухими ветками саксаула, которые кто-то жег в печи.

— Пришли, — Элен остановилась у поваленной секции старого забора. Лазерные датчики здесь были вырваны с корнем, их провода сиротливо торчали из ржавых креплений, как высохшие жилы. — Это Дьявольская дыра. Наш дом. По крайней мере, то, что от него осталось.

Из темноты веранды бесшумно соткалась высокая человеческая фигура. Натан инстинктивно втянул голову в плечи, но Элен даже не замедлила шаг.

— Он со мной, отец, — громко сказала она. — Городской. Внук Артура Вэйна.

Мужчина сделал шаг вперед, и на него упал холодный свет Луны. Это был Томас — отец Элен. Его лицо было изрезано глубокими, как каньоны Невады, морщинами, а длинные седые волосы были завязаны в тугой узел на затылке. На нем был старый, засаленный комбинезон, а в руках он держал тяжелый охотничий лом. Его взгляд — тяжелый, испытующий — остановился на лице Натана, изучая красную сыпь на его шее.

— Вэйн, значит… — голос Томаса был похож на хруст гравия. — Твой дед был хорошим человеком, парень. Он до последнего дня верил, что железо должно подчиняться руке, а не коду. Но твой отец… твой отец продал свои мозги Сети за право жить в коробке с регулируемой влажностью. Зачем ты здесь?

— Меня хотели калибровать завтра в девять утра, — Натан нашел в себе силы выпрямиться и посмотреть в эти старые, не знающие жалости глаза. — Я не хочу быть как мой брат Оливер. Я хочу чувствовать свои кости.

Томас долго молчал. Его лом тихо звякнул, опустившись на бетонный пол веранды.

— Ладно, — процедил старик. — Кости ты свои здесь почувствуешь быстро. Завтра на рассвете пойдешь чистить дренажный колодец. Если твой нежный городской желудок не вывернет от запаха сероводорода — останешься. Элен, покажи ему провал. Пусть посмотрит на тех, кто выживает без Опеки.

Элен повела его за дом, туда, где скальная порода резко обрывалась вниз, образуя узкую, глубокую расщелину. Из темноты провала поднимался густой, влажный пар. Натан подошел к краю, ухватившись за ржавые металлические подмостки.

На глубине пятнадцати футов, тускло подсвеченная подвесным латунным фонарем, который Томас заправил козьим жиром, колыхалась вода. Она была абсолютно прозрачной, но казалась темной, уходящей в бездонные подземные лабиринты. Температура здесь была постоянной — тридцать три градуса тепла. Этот термальный жар дышал Натану в лицо, успокаивая его воспаленную кожу.

— Смотри на полку, — тихо сказала Элен, присаживаясь на корточки у края.

Натан присмотрелся. На небольшом каменном выступе, покрытом густым ковром ярко-зеленых водорослей, двигались крошечные, не больше дюйма, существа. В тусклом желтом свете фонаря они вдруг вспыхивали пронзительными, неоново-синими искрами. Самцы дьявольского карпозуба. Они плавали быстрыми, резкими рывками, агрессивно толкая друг друга и защищая свои крошечные территории на скале.

— Они живут здесь со времен, когда вся эта пустыня была огромным озером, — Элен протянула руку, и её пальцы почти коснулись влажного пара, поднимающегося от воды. — Озеро высохло. Осталась только эта дыра. Их вселенная — восемь квадратных метров. Нас с отцом Сеть тоже заперла здесь, в этой буферной зоне. Мы для них — такие же карпозубы, Натан. Реликты, которые забыли вымереть.

— Но они выжили, — Натан не мог оторвать взгляда от неоновых вспышек в воде. В его мире всё синее было искусственным — пиксели экранов, светодиоды интерфейсов. Здесь же этот цвет был живым, бьющим из самой глубины земли. — Без Сети. Без серверов.

— Выжили, — голос Элен вдруг дрогнул, и Натан впервые заметил, как её плечи судорожно напряглись под комбинезоном. — Но какой ценой, городской мальчик? Моя мать… она умерла здесь, на этих подмостках, четыре года назад. У неё была банальная почечная инфекция. В твоем Кондоминиуме «Асклепий» вылечил бы её за двенадцать минут, просто введя три капли био-микса в кровь. А отец… отец не пустил медицинский дрон Сети в оазис. Он

выстрелил в него из карабина, когда тот пытался снизиться. Он кричал, что мы не примем их рабство.

Она повернулась к Натану, и в её серых глазах, блестевших от подступающих слез, была дикая, затаенная боль.

— Она умирала три дня, Нат. На моих руках. Кричала от боли, пока отец молился своей наковальне и ржавым чертежам. Вот она — твоя свобода от машин. В ней есть кровь. В ней есть грязь и смерть, которую никто не отменит нажатием кнопки. Ты готов к этому? Или завтра, когда у тебя начнется лихорадка от местной воды, ты побежишь к трассе звать «Церберов»?

Натан посмотрел на её испачканное мазутом лицо, затем снова вниз — на синих рыбок, которые яростно боролись за жизнь в своем крошечном горячем аду на дне пещеры. Он медленно залез во внутренний карман куртки, достал тяжелый зеленый альбом деда с чертежами и положил его на старые бетонные плиты у ног Элен.

— Я не побегу, — тихо и твердо сказал он. — Мой брат Оливер сейчас не знает боли. Он улыбается в своей капсуле. Но его нет, Элен. Его личность стерта. Я лучше буду плакать вместе с тобой на этих камнях, но я буду знать, что эти слезы — мои.

Элен долго смотрела на альбом, затем на его протянутую руку, покрытую ссадинами и черной смазкой. Она не пожала её, но её плечи наконец расслабились. Она повернулась и пошла к дому, бросив через плечо:

— Заходи внутрь, городской. Печь остывает. Завтра на рассвете земля не будет ждать, пока ты выспишься.

Натан остался один у провала. Из трубы бункера по-прежнему тянулся тонкий дым, растворяясь в бездонном, усыпанном чужими звездами небе Невады. Первая ночь его настоящей жизни началась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.